

УДК 94(47).047:327

Д. О. Манин

АНАЛИЗ ПРОЕКТА ФРАНКО-РУССКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА 1668 г. И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК Д. УРБАНОВСКИМ

Статья посвящена сравнению проекта франко-русского торгового договора 1668 г. и его перевода на русский язык для ответа на поставленный во французской историографии вопрос об их соответствии, параллельно рассмотрено взаимодействие понятийных систем русского дипломатического языка с французским. Сделаны выводы о причинах различия представлений о русском переводе проекта во французской и в русской историографии, проанализированы и интерпретированы смысловые расхождения списков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: торговля, посольство П. И. Потемкина, Ж.-Б. Кольбер, дипломатический язык, перевод, история понятий.

Развитие франко-русских отношений во второй половине XVII в., связанное с ростом внешнеполитического значения обоих государств, вело к постоянному усложнению этих отношений, появлению новых вопросов и возрождению старых, в том числе торгового вопроса. Одним из наиболее ярких источников по истории торговли стал проект франко-русского торгового договора 1668 г., который французская делегация предложила посольству П. И. Потемкина во Франции [см.: Статейный список..., с. 277]. Изучение посольства Потемкина во французской историографии было сопряжено с рядом проблем, которые так и не были окончательно решены. Одной из этих проблем стало сопоставление упомянутого нами французского проекта договора с его отражением в статейном списке П. И. Потемкина. Соответствие между ними не удалось установить французскому историку Б. Виане [см.: Виане, с. 236] – автору одной из последних на данный момент французских монографий, затрагиваю-

щей историю торгового вопроса. В русской историографии, напротив, утвердилась идея об идентичности русского и французского вариантов договора [см.: Статейный список..., с. 437]. Собственно говоря, восполнение этого историографического пробела и стало задачей нашей статьи.

Рассматриваемый проект дошел до настоящего времени в двух вариантах: это французский оригинал (хранящийся в архиве Министерства иностранных дел Франции [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 34–36] и несколько раз публиковавшийся как на французском [см.: *Recueil des instructions...*, t. 8, p. 57–58], так и в переводе на русский язык [см.: Виане, с. 234–236]) и русский перевод проекта, который вошел в статейный список П. И. Потемкина [см.: Статейный список..., с. 272–274]. Наличие этих двух списков позволяет компаративно изучить не только заложенный французами в проект смысл, но и частично реконструировать историю чтения этого текста русским посольством, что, как известно, принципиально важно для определения его достоверности [см.: Шартье].

В начале стоит отметить исторические условия создания проекта, важные для определения контекста, в котором создавался источник. События, приведшие к созданию проекта, развертывались параллельно и во Франции, и в России. Не углубляясь в рассмотрение франко-русских торговых отношений (чего не делали и сами составители проекта [см.: Манин, с. 354]), стоит выделить особый этап, начавшийся вместе с деятельностью Ж.-Б. Кольбера на посту министра финансов Франции. Французские исследователи выделяют русский вектор его политики, начиная с 1660 г., в связи с перспективой создания политического союза – оси Париж – Москва (*un axe Paris – Moscou*) [см.: Kraatz, p. 9]. Намерения Кольбера наиболее ярко проявились в зондировании им настроений вокруг северной торговли во французских портах в 1663–1665 гг. а также в назначении премии за торговлю со странами Севера в 1664 г. [см.: Малов, с. 164–165] (в регион Севера для французов входили все территории, торговля с которыми происходила через Балтийское море и бассейн Северного Ледовитого океана [см.: Kraatz, p. 8]).

В России история франко-русских торговых отношений началась значительно позже и не имела грандиозных планов союза с Францией. После заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. в наиболее значимые для России государства Европы были отправлены посольства, в том числе посольство П. И. Потемкина в Испанию и Францию. Вероятно, стоявшему во главе Посольского приказа А. Л. Ордину-Нащокину было известно о французских планах расширения северной торговли, потому что в наказе посольству Потемкина первостепенной задачей посольства во Франции

были именно переговоры о торговле [см.: Тайный наказ..., с. 3]. Таким образом, задачи русского посольства совпали с общим вектором политики Кольбера, и тот был крайне заинтересован в результатах этих переговоров.

Источники, позволявшие судить об авторстве оригинала проекта, не сохранились, но, вероятно, в его составлении большую роль играл сам министр финансов Франции, так как в дальнейшем именно он лично занимался всеми вопросами торговли с Россией, в том числе перепиской с французским купечеством и французской торговой агентурой в России [см.: Kraatz, p. 23]). Переводом проекта на русский язык занялся подозрительно удачно встреченный Потемкиным во Франции и знакомый с русским языком доминиканец Урбановский (вероятно, польского происхождения [см.: АЕ, СР, Russie. Vol. 01, fol. 34–36]).

Французский текст проекта состоит из 13 статей, в то время как в статейном списке деление на статьи отсутствует. Первая статья содержит декларацию мира (*paix*), союза (*confederation*), дружбы (*amitié*) и соглашения (*alliance*). В русском переводе Урбановского соответственно: покоя, соединения и приятства. Далее в той же статье идут декларации любви друг к другу подобно братьям, обеспечения благосостояния (*bien*), чести (*honneur*) и репутации (*reputation*) друг друга. В русском переводе, соответственно, декларации – братской любви, «о себе отдавать честь и славу», «чтоб один на другого не наступал и друг друга убытка не чинил» [Статейный список..., с. 272]. Здесь понятийный аппарат Урбановского показательно отличается от используемого русской стороной. Так, ключевым понятием для посольства Потемкина, помимо использованной «братской любви», была и «братская дружба», к этому термину посол прибегает в ответе на данный проект. Урбановский же переводит *amitié* как «приятство» – понятие, более близкое польскому *przyjaźń* (приянь). Тем не менее, подобное полонизированное понятие без затруднений считывается Потемкиным (который в ходе Тринадцатилетней войны с Речью Посполитой не раз сталкивался с носителями польского языка), и в своем ответе он с легкостью переходит от понятия приятства к более характерному для русского дипломатического языка понятию дружбы. Не вызывает затруднений и сопоставление понятий *paix* – покой, *confederation* – соединение и *honneur* – честь. Тем не менее, для перевода *bien* (в значении благосостояния) Урбановский не подбирает аналогичного русского понятия и выстраивает лексическую конструкцию «друг другу убытка не учинил» [Статейный список..., с. 272], которая чаще всего и использовалась в значении благосостояния, что можно увидеть, в частности, в Новоторговом уставе [см.: Новоторговый устав, с. 677]. Таким образом,

в делопроизводственном языке России не было экономического понятия, близкого благосостоянию и для передачи его значения необходимо было прибегать к лексическим конструкциям через понятие «убыток».

Вторая статья устанавливает торговлю со всей свободой (*liberté*) и уплатой стандартных пошлин (*droits*). В переводе соответственно торговать «с великой вольностью» и «пошлину иметь будут также, как иных государств с торговых людей» [Статейный список..., с. 272]. Разбирая основные понятия этой статьи, наиболее сложным представляется вопрос об определении *liberté* – вольности. Понятие свободы для XVII в. трактовалось множеством разных способов [см.: Skinner]. В том контексте, в котором Ж.-Б. Кольбер употреблял французское понятие *liberté*, оно никоим образом не противоречило общей протекционистской направленности его политики, а означало, скорее, отсутствие административных ограничений для подобной торговли (наличие монопольных компаний или государственное регулирование цен). К такой свободе Кольбер готов был прибегнуть всегда, когда это было выгодно, на что он указывал в одном из своих более поздних писем 1679 г. [см.: Au sieur Dalliez, p. 694]. При этом, как верно подмечено в монографии В. Н. Малова, такая свобода вовсе не делала Кольбера сторонником появившегося позже фритрейдерства, а лишь демонстрировала его ориентацию скорее на практику, чем на абстрактную меркантилистскую теорию [см.: Малов, с. 152–154]. Вероятно, и в данном случае использование Кольбером понятия *liberté* для организации торговли с Севером было обусловлено наибольшим успехом аналогичного принципа в торговле с Вест-Индией. В России к вольной торговле относились похожим образом: когда от нее была польза, она также успешно декларировалась, чему можно найти массу примеров, в частности, в близких по времени статьях договоров со Швецией (ст. 10 Кардисского мира, во французской копии которого вопросы торговли были особым образом выделены французами [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 10]). Касаясь вопроса о соотношении *droits* и «пошлины», отметим, что здесь перевод достаточно близок по своему значению оригиналу, а французские и русские таможенные системы, с нашей точки зрения, были достаточно сопоставимы.

Третья статья начинает раскрывать понятие свободы торговли. Она позволяет русским без особого разрешения (*permission*) короля и его губернаторов приезжать во Французское государство и заниматься торговлей, при этом с возможностью нанимать дома (*maisons*) и устраивать склады (*magasins*) во всех городах. Соответственно в переводе Московского государства «купецким людям» можно было посещать Французское

государство без королевского или наместничьего «указа», а также «най-мать дома, и погребы, и анбары» [Статейный список..., с. 272]. В общем контексте статей проекта термины *permission* и *указ* соотносятся достаточно точно, как и термины *maisons* и *дамы*. Понятие *magasins* транслировалось в русский язык сложнее, что обуславливает использование понятий *анбары* и *погребы*, на пересечении значений которых и оказывается французское *magasins* («анбар» в отрыве от контекста мог означать, помимо склада, и разного рода промысловые сооружения [см.: Амбар, с. 34], а погреб – учреждение, торгующее вином [см.: Погреб..., с. 199]), что является примером тщательной работы переводчика в передаче смысла понятия на русский язык.

В четвертой статье, посвященной беспрепятственной перевозке товаров по территории Франции и их свободной продаже, стоит особенно выделить понятие продажи *en détail* [см.: AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 35] (т. е. штучной, розничной), которое не было переведено на русский язык, оказавшись сокрытым за понятием повольной торговли (оно могло означать и розничную торговлю, но имело более широкое значение, границы которого определялись ситуативно), отклонившись, таким образом, от понятия торговли врознь, перевод способствовал необходимости дальнейшего обсуждения проекта, в том числе и того, где будут границы *повольной торговли*.

Пятая статья не столь богата торговыми понятиями, она посвящена отсутствию пошлины за перегрузку товаров с одного корабля на другой для подданных царя на территории Франции, однако именно эта статья является одним из немногих французских официальных дипломатических источников XVII в., где наряду с термином *Moscovites* (московиты) употреблен термин *Russiens* (русские). Из контекста статьи затруднительно восстановить понятие, стоящее за данным термином, но, вероятно, он служил для обозначения «купеческой нации», выделяемой на основе их языка, подобно итальянцам, немцам и др.

Статья шестая, подразумевавшая возможность покупки любых продающихся на территории Франции товаров, использовала уже разобранные нами выше понятия и термины. Тем не менее характерно, что в переводе вместо выражения *d'un lieu à l'autre* («с одного места на другое») подчеркнута возможность вывозить товары в другие государства – «возить и до иных государств, где кому надобно» [Статейный список..., с. 273]. Таким образом, перевод мог заинтересовать российскую сторону больше оригинала.

В седьмой статье, посвященной защите приказчиков и управляющих торговлей королем и освобождению их от пошлин, необходимо выделить

непосредственно понятия *commis* (приказчики) и *directeurs* (управляющие), которые в русском переводе полностью опущены и заменены выражением «купчины, которые будут вестать всякие купецкие товары» [Статейный список..., с. 273]. Вероятнее всего, это связано с тем, что понятия *commis* и *directeurs* связывались с крупными торговыми организациями, которые на тот момент в России не были развиты, альтернативой которым в столь затратной и рискованной торговле могло стать государство, для которого представители купеческого сословия часто выполняли административные функции, действительно сходные с подобными должностями в крупных компаниях.

Восьмая статья, посвященная учреждению в основных портах королевства русских консулов с судебными полномочиями в отношении русских торговцев, вводит важное для проекта понятие *consuls* (консулы), переведенное Урбановским как «судьи», – понятие столь многозначное в XVII в., что включение в него понятия *consul* было достаточно полным. Статья в переводе, как и шестая, была дополнена, чтобы быть представленной в лучшем свете перед московской стороной – в ней сделано прибавление о сходстве французских судебных практик с «нашим извычаем» [Статейный список..., с. 273].

Как и для других торговых соглашений России XVII в., отдельно был выделен религиозный вопрос – в данном проекте ему посвящена девятая статья, разрешавшая русским торговцам свободу богослужения. Значимость религии четко осознавалась французской стороной, что, в частности, подчеркнуто употреблением термина *Religion* [AE, CP, Russie. Vol. 01, fol. 36] исключительно с большой буквы (что опущено в публикациях источника) [см.: Виане, с. 237; Recueil des instructions..., t. 8, p. 58]. Из-за своей краткости статья переведена на русский практически дословно, и сложно выделить серьезные отличия даже в понятийном аппарате.

После первых девяти статей начинается основное отличие проекта от его перевода. Если в переводе последующие статьи приведены в качестве вопросов (что, возможно, свидетельствовало о необходимости их дальнейшего обсуждения [см.: Манин, с. 353]), то в проекте они изложены в такой же утвердительной форме, как и предыдущие. Первая из таких статей – это статья десятая, распространявшая нормы предшествовавших восьми статей на французов в России. В русском же варианте перечисление пунктов предыдущих статей заканчивается вопросом: «вольности также ли даны будут, как московским торговым людям во Французском государстве?» [Статейный список..., с. 274]. Понятия *liberté* и *вольность*, используемые в данной статье, уже были нами рассмотрены, потому останавливаться на них не будем.

Одиннадцатая статья посвящена установлению беспошлинного режима французской торговли между Россией и странами Азии и снабжению товарами по умеренным ценам местной русской администрации. Она сформулирована в трех предложениях, первое из которых в качестве «вольнo ль будет проезжать». Два других предложения посвящены, соответственно, снабжению французских купцов и беспошлинному режиму их торговли с Персией и окрестными государствами (понятие Азии в русском переводе не фигурирует).

В двенадцатой статье говорится о взимании с французов лишь половины въездных и выездных пошлин. При этом в русском переводе подчеркнуто, что пошлины взимаются не собственно с французов, а с их товаров (специфическая российская таможенная система даже после принятия торговых уставов давала о себе знать). При этом если в оригинале проекта французы освобождались от всех новых вводимых пошлин, то в переводе российская сторона лишь обязывалась отсылать во Францию копии нового торгового законодательства («А буде в Московском государстве учинитца о том и иной указ о купецком деле, то и во Французском государстве так же будет») [Статейный список..., с. 274].

Наконец, тринадцатая статья подразумевала невозможность наложения запрета на французские товары в России, в случае же запрещения продажи этих товаров запреты должны были быть сняты. В переводе данный механизм вновь трактовался иначе: если французы привозили *заповедные* товары, то они должны были быть конфискованы в казну и за них торговцам выплачивалась компенсация их полной стоимости.

Таким образом, проект и его перевод в целом соответствуют друг другу, более того, сопоставление различных терминов показывает, что перевод был сделан достаточно качественно и точно передавал большую часть заложенных в него положений для русских читателей. Тезис Б. Виане о несоответствии перевода и его первоисточника, вероятно, связан с обращением исследователя к франкоязычному переводу отдельных частей статейного списка П. И. Потемкина, изданному Эммануэлем Голицыным, где перевод действительно разбит на статьи иначе, чем во французском оригинале проекта и в самом статейном списке Потемкина [см.: Galitzin, p. 352–354]. Соотношение понятий в проекте и его переводе представляется достаточно удачным и даже западнорусское происхождение переводчика не привело к серьезному искажению. Сохраняется вопрос о заинтересованности переводчика-доминиканца, в котором отдельные русские авторы видели возможного агента папства [см.: Статейный список..., с. 433]. Особенности перевода последних статей (в частности, ст. 10 и 11)

указывают на попытку автора перевода способствовать успеху русско-французских переговоров. В целом перевод проекта демонстрирует достаточный для XVII в. профессионализм не только его переводчика, но и посла, составлявшего статейный список. Прочитавший его служащий Посольского приказа мог достаточно точно представить себе содержание оригинального французского проекта, за исключением немногих искаженных в угоду развитию русско-французских отношений статей.

Au sieur Dalliez // Lettres, instructions et mémoires de Colbert. Paris : Imprimerie Impériale, 1863. T. 2. P. 694–695.

Extrait des nouveaux traités de Paix Commerce a Cardoiss en Livonie entre Sa M-st le Roy de Suede et le Grand Duc de Moscovie // Arch. du ministère des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01, fol. 10–11.

Galitzin E. La Russie du XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale – Récit du voyage de Pierre Potemkin. Paris : Typographie de Ch. Lahure, 1855.

Kraatz A. La Compagnie Française de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siècles. Paris : Editions Françoise Bourin, 1993.

Projet du traité entre le Roi et le Grand Duc de Moscovie // Arch. du ministère des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01, fol. 34–36.

Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française. Paris : Ancienne Librairie Germer Baillière et Cie, Félix Alcan, 1890. T. 8.

Амбар // Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975. Вып. 1. С. 34.

Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1568 г.: Открытие Арктики французами в XVI веке. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. С. 234–236.

Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991.

Манин Д. О. Проект франко-русского договора 1668 г. и его значение для развития франко-русской торговли // Актуальные вопросы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием / под ред. Т. И. Морозовой. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 345–354.

Новоторговый устав // ПСЗРИ-1. Т. 1. С. 677–691.

Погреб // Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1989. Вып. 15. С. 199.

Скиннер К. Амброджо Лоренцетти о силе и славе республик // НЛО. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2017/4/ambroddzhlorenzettio-sile-i-slave-respublik.html> (дата обращения: 15.01.2019).

Статьейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954.

Тайный наказ // Сын Отечества. 1850. № 6. С. 1–16.

Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // НЛО. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html> (дата обращения: 15.01.2019).